

В. В. Зданович

История повседневности на оккупированной нацистами территории Беларуси в работах белорусских историков

В конце XX в. одним из направлений исследований зарубежных ученых, в том числе и российских, стала история повседневности. Данная проблема, хотя и в меньшей степени, нашла отражение и в работах белорусских историков. По мнению А. В. Курьяновича, «история повседневности не ограничивается привычной констатацией — для нее важно выявить сложную эволюцию и логику развития внутреннего мира человека — этого средоточия человеческой специфики, активности, индивидуальности и мотивации его деятельности, рассмотреть возможности, движущие силы тенденции самосовершенствования/упадка человека, а также характер сотворенного им своего бытия, т. е. реконструировать повседневную жизнь»¹.

Объектом особого внимания белорусских исследователей является период Великой Отечественной войны, приведший к серьезным сдвигам в повседневной жизни человека, изменениям в психологическом восприятии мира и поведении. История повседневности позволяет досконально, в подробностях рассмотреть жизнь человека на оккупированной территории через систему его взаимодействия с другими индивидами, показать влияние на него политических, социально-географических, религиозных и других факторов, определяющих особенности мировосприятия. В этой связи оправданным является рассмотрение оккупационного режима сквозь призму социальной истории. «Для этого, — как справедливо отмечает белорусский историк Е. А. Гребень, — не-

обходимо максимально полно реконструировать общий “фон” оккупации, показать социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию, охарактеризовать представителей местной администрации, с которыми непосредственно сталкивалось гражданское население в своей повседневной жизни, реконструировать социально-бытовые условия граждан, выявить источники их существования и выживания»².

В историографии проблемы повседневности выделяются следующие периоды: первый — советский (1941 — конец 1991 г.); второй — белорусский (с конца 1991 г. по настоящее время). Каждому из периодов соответствовали различные исторические условия, конкретные задачи, формы и методы организации научных исследований, состояние источниковедческой базы, наличие кадров исследователей, уровень знаний, фактов, событий и явлений войны в определенный период.

Основные направления изучения повседневности на оккупированной территории Беларуси

Нацистская политика германских властей в отношении белорусского населения затрагивала различные сферы жизни: экономику, образование, здравоохранение, культуру и религию. Однако, несмотря на то что проблема повседневной жизни населения в условиях оккупации позволяет более глубоко оценить глобальные процессы и их трансформацию на локальном уровне, тема не стала приоритетным направлением в исследованиях историков советского периода, а поднималась лишь отчасти и касалась в основном описания реализации нацистского «нового порядка» и плана «Ост» на конкретной территории.

Советские историки основное внимание уделяли вооруженному сопротивлению оккупантам. Однако в партизанской войне и подпольной борьбе не могло участвовать все население, большое количество советских граждан продолжали жить под чужеземным владычеством. Вместе с тем, несмотря на то что советская историография не употребляла понятия «история повседневности» и задач ее изучения специально не ставила, отдельные аспекты проблемы нашли освещение в трудах историков этого периода. Общие изменения уровня жизни населения, его материально-бытовое положение находили отражение в работах об экономике и обобщающих коллективных трудах по истории Великой Отечественной войны.

Согласно партийным установкам, жизнь разных категорий населения на оккупированной территории рассматривалась в советской исторической литературе как ежедневное сражение с врагом. Примером такого подхода являются работы А. И. Залесского, посвященные быту крестьян в годы Великой Отечественной войны³. Так, в работе «Героический подвиг миллионов в тылу врага» Залесский, в частности, отмечает: «Массовое участие приняло население в знаменитой “рельсовой войне”... Жители партизанских зон действовали

вместе с народными мстителями — разбирали рельсы, растаскивали шпалы, перекапывали железнодорожные насыпи. Во многих местах в “рельсовой войне” участвовало почти все взрослое население. Постоянная и все возрастающая помощь населения народным мстителям сближала народ с партизанами, втягивала его в активную борьбу, все более сплачивала людей вокруг партизан. Отсюда многочисленные партизанские резервы, за счет которых пополнялись ряды вооруженных отрядов и бригад... Народным мстителям помогали самыми различными средствами *миллионы* (выделено А. И. Залеским. — В. З.) советских патриотов»⁴.

Рассекречивание и публикации архивных документов по истории оккупационного режима и расширение в результате этого источниковой базы, появление новых концептуальных подходов и направлений создали новые возможности для исследования истории повседневности, «человеческого измерения» войны. Однако и в новейшей белорусской историографии эта тема остается пока малоисследованной. Вместе с тем тема повседневности в условиях оккупации на территории Беларуси начинает попадать в поле зрения отечественных исследователей.

Объектом исследования отечественных историков в белорусский период стал принудительный труд граждан Беларуси на оккупированной территории. Как справедливо отмечает С. Е. Новиков, «трагедия белорусских граждан, находившихся на оккупированной территории Беларуси, долгие годы заключалась в том, что во имя сохранения дальнейшей жизни самих себя и своих родных, занятия определенного положения в советском обществе нужно было замалчивать многие факты военного времени, в том числе факты истории трудовой повседневности периода нацистской оккупации»⁵.

В поле зрения историков оказались формы и методы принуждения, материальное, правовое положение населения, роль местной коллаборации в процессе вывоза жителей Беларуси в нацистские страны. Положение вывезенных граждан Беларуси, политика советской власти в отношении репатриантов раскрыты в сборнике документов и материалов «Белорусские остарбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944)»⁶.

В ходе белорусско-германского проекта «Опыт принудительного труда белорусских граждан в годы Второй мировой войны» были подготовлены сборник статей «Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.)» и монография «Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг.», внесшие значительный вклад в изучение малоисследованных аспектов истории Великой Отечественной войны: «...истории трудовой повседневности, оставленной жителями белорусских городов, поселков и деревень, рабочими промышленных предприятий, занятыми в сельском хозяйстве, служащими, а также женщинами, военнопленными, заключенными лагерей и гетто, детьми: то есть всеми, кто являлся фактическим субъектом истории трудовой повседневности

на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 гг.»⁷. Один из авторов сборника А. М. Литвин обоснованно разграничивает понятия «рабочая (принудительная) повинность» и «принудительный труд». «Принудительная повинность, — отмечает исследователь, — распространялась на большинство населения оккупированных территорий трудоспособного возраста, которое обязано было зарегистрироваться на бирже труда по своей специальности. В определенной степени она давала возможность выбора места работы и получения заработной платы... Принудительный труд — это труд по принуждению, без права выбора: работа узников концентрационных, трудовых лагерей, тюрем военнопленных, работа оstarбайтеров, работа гражданского населения, мобилизованного немецкими вооруженными силами для выполнения разнообразных работ на военных предприятиях, работавших для нужд армии, так и при выполнении текущих военных проблем»⁸.

Проблему ежедневной жизни городских и сельских жителей Беларуси во время оккупации не обошли вниманием и авторы коллективного труда «Беларусь в годы Великой Отечественной войны». Так, характеризуя положение сельского населения, историки подчеркивают, что, с одной стороны, «жители белорусских регионов, находясь под контролем оккупантов, в такой обстановке, естественно, старались выжить, хоть каким-то образом обеспечить необходимые средства для существования своих семей. Это во многих случаях заставляло подчиняться требованиям завоевателей, работать на них, выплачивать налоги, выполнять поставки и т. д.»⁹. С другой стороны, «массовым было и неповиновение, саботаж, которые перерастали в самых разных местах Беларуси в открытую борьбу с врагом»¹⁰.

Значительное место в исследовании отведено характеристике экономической политики оккупантов, вывоза белорусского населения в Германию и другие страны германского блока. Затронули исследователи и такую болезненную проблему, как использование местного населения в качестве бесплатной рабочей силы. Признавая сам факт принудительного труда, историки, однако, не дают ответа на главный вопрос: сколько белорусских граждан выполняли трудовую повинность на оккупированной территории республики, а ограничиваются общим выводом, что «о количестве неучтенных рабочих рук, которые использовались в годы германской оккупации на самых разных работах, говорить можно только условно»¹¹.

Развернутая характеристика повседневной жизни жителей Беларуси в условиях германской оккупации дана Е. А. Гребенем в монографии «Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.)», увидевшей свет в 2016 г. «Следствием нацистской оккупации, — констатирует автор, — стало резкое ухудшение материального положения подавляющего большинства граждан. Не хватало самого необходимого для жизни. Проблемой стало не только питание, но и одежда, обувь, соль и другие предметы первой необходимости... Дополнительным фактором, влиявшим

на материальное положение граждан, стала эксплуатация немцами их материальных ресурсов... Вынужденное существовать с новой властью, большинство людей по отношению к ней приспособлялось, но не признавало своей, не считало для себя зазорным эту власть обманывать... Приспособляясь к ситуации, граждане уклонялись от уплаты налогов или старались их минимизировать, проводили махинации с карточками, уклонялись от повинностей, чтобы сохранить силы для выживания... Помимо физического уничтожения, гражданское население Беларуси столкнулось с реальной угрозой смерти на фоне экстремальных социально-экономических условий. Последствия такого растянутого во время геноцида проявлялись постепенно, но вполне соответствовали духу генерального плана «Ост». Подвигом являлась сама жизнь в условиях оккупации, поскольку сохранить ее, выжить ради будущего было крайне сложно»¹².

«Введенные оккупационными властями нормы питания, — отмечают авторы монографии «Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг.», — не могли поддерживать в надлежащем состоянии биологическое существование человека, не говоря о необходимости работать». Доказательством данного вывода являются оценки в сфере питания как со стороны немецкой администрации, так и со стороны партизан, которые, кстати, в целом совпадают. Так, чрезвычайно низкие нормы питания отмечаются в сообщениях айнзацгруппы А, невысоким было и качество продуктов. По данным партизанской разведки, которые приводят авторы монографии, в хлеб добавлялось около 30% овсяной муки, 20–25% опилок»¹³.

Жизнь городских и сельских жителей Беларуси на оккупированной территории рассмотрена в отдельном параграфе «Жыццё насельніцтва ў гады акупацыі» 6-томной «Гісторыі Беларусі». Введенные в научный оборот В.И. Кузьменко новые документы Национального архива Республики Беларусь подтверждают вывод других исследователей о том, что повседневную жизнь человека в условиях оккупации было бы точнее назвать «выживание». «Материальное положение, жизненный уровень населения, — пишет историк, — очень невысокий и перед войной, резко снизился на протяжении трех лет фашистской оккупации. В условиях постоянного налогового пресса захватчиков, фактического грабежа сельское население было очень быстро поставлено на грань полной нищеты... Еще худшим было положение жителей городов. Даже те, кто работал, существовал полуголодным... Голодных людей оккупанты заставляли работать по 16–18 часов в сутки. Нередки случаи, когда обессиленные рабочие без сознания падают возле станков... Разруха, голод, преследования оккупантов гнали людей из города в деревню. Вместе с потерями от фашистского геноцида, угона в Германию, а также с эвакуацией и мобилизацией в воинские единицы это явилось причиной того, что к лету 1944 г. в Витебской области осталось 27%, в Полесской — 29, в Могилевской — 35% довоенного городского населения»¹⁴.

Вывод о том, что человек в условиях оккупации не жил, а выживал, подерживает и З. Шибек. При этом он считает, что ситуация на западе Беларуси существенно отличалась от ситуации на востоке. «Крестьяне-западники при молчаливом согласии новых хозяев распустили немногочисленные колхозы и вернулись к индивидуальному хозяйствованию... На востоке после большевистских и нацистских реквизиций люди жили под угрозой голода, особенно в городах... Сохранялись колхозы. За малейшую симпатию к Красной армии и советской власти людей штрафовали, пытали и даже вешали или убивали»¹⁵. Особенно ситуация ухудшилась в 1943 г. «Города, — подчеркивает автор, — напоминали концентрационные лагеря, особенно в прифронтовой полосе... Работать на военных предприятиях приходилось по 14–15 часов в сутки. А заработки были в четыре-шесть раз ниже, чем у рабочих из Германии. В Минске дневного заработка хватало на килограмм картошки»¹⁶. Положение в деревне было значительно лучше. Как отмечает З. Шибек, «новые хозяева были заинтересованы в налаживании сельскохозяйственного производства на нужды фронта. Крестьянские семьи получали в собственность до гектара под усадьбу и до семи гектаров полевой земли во временное пользование. Им разрешалось иметь неограниченное количество домашних животных, что при советской власти запрещалось. Чтобы поддержать обедневших крестьян восточной Беларуси, немцы летом 1942 г. обеспечивали их посевным материалом, привозили из Германии плуги, ремонтировали тракторы, давали коней»¹⁷. Создается впечатление, что нацисты являются настоящими спасителями белорусского крестьянства, а их основной целью была забота об улучшении положения жителей белорусской деревни. Но, как пишет сам автор, истинной целью оккупантов было обеспечение всем необходимым немецкой армии.

Подтверждение тому мы находим в отдельном разделе кандидатской диссертации В. А. Белозоровича. Как справедливо отмечает автор, захватчики рассматривали западный регион БССР в качестве аграрно-сырьевого придатка Германии. Обязательные поставки сельскохозяйственной продукции на нужды германской армии в сочетании с карательными экспедициями и репрессиями, колонизация территории переселенцами из Германии и Голландии привели к массовому обнищанию западнобелорусской деревни¹⁸.

Повседневная жизнь в отдельном городе показана в подготовленном совместными усилиями сотрудников Брестского государственного архива и преподавателей Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина документальном издании «Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы». Так, в разделе 3 «Продовольственное обеспечение города» помещены документальные материалы, раскрывающие проблему продовольственного обеспечения города. Обращение к этим документам позволяет увидеть тот факт, что с 1 сентября 1941 г. были введены карточная система на хлеб и другие продовольственные товары и нормы продовольственного обеспечения жителей города. Карточки имели персональный характер и выдавались во всех

точках продаж на основании общих списков, составленных отделом прописки городской управы по месту жительства с предоставлением личных документов. Карточная система в первую очередь была направлена на выявление лиц, уклоняющихся от трудовой повинности. Согласно данным, представленным исполняющим обязанности начальника продовольственного отдела городской управы, на 1 июля 1942 г. установленные нормы продовольственного обеспечения распространялись на 28 028 человек, разделенных на четыре группы без их расшифровки. Такая расшифровка содержится в отчете продовольственного отдела от 10 ноября 1943 г.: «...дети до 14 лет (К. 1/2), обычный неработающий потребитель (Гр. 1), семьи людей, которые работают в интересах Германии (Гр. 2), работающие в интересах Германии (Гр. 3), рабочие заняты на особо тяжелых работах (Гр. 4)»¹⁹. Цифры, приведенные там же в таблице, показывают, что в лучшем положении находились представители 3-й и 4-й групп. К категории работающих в интересах Германии относились работники немецких и местных лесных, продовольственных, промышленных и других предприятий. В состав 4-й группы были включены специалисты военных предприятий и железной дороги, работники шахт и каменоломен²⁰.

В связи с тем, что часть населения Беларуси была призвана в Красную армию, часть истреблена, а часть ушла в партизаны, большинство населения составляли женщины. Именно они стали основной рабочей силой на оккупированной территории. На использование труда женщин была направлена и политика германских властей, которые считали, что «женщин этой страны можно использовать как полноценную рабочую силу, т[ак] к[ак] они привыкли к трудным мужским работам, но и значительно усерднее мужчин»²¹. Как отмечает К. И. Козак, «оставаясь в большинстве на оккупированной территории женщины, тем не менее, становились заложниками практически всех обстоятельств. И если германскими органами принимались директивные решения, то выполнять их должны были женщины, А с другой стороны, действия партизанских сил против германских оккупантов вызывали в качестве обратного аргумента — карательные действия. Так, наиболее массовым было сожжение белорусских деревень вместе с ее жителями. Третье, оставаясь беззащитными, их в любой момент могли привлечь к ответственности, особенно за лояльность к советскому строю или партизанам, военнослужащим Красной армии и т. д.»²². Справедливым и обоснованным является и вывод историка о том, что «на долю женщин выпали самые страшные испытания. Это и многочисленные, сожженные вместе с проживающими там, деревни; принудительный вывоз на чужбину в рабство; вынужденная трудовая повинность по обеспечению питанием воюющих сторон. Само материнство требовало самопожертвования во имя защиты детей и семьи»²³.

Вместе со взрослыми на оккупированной территории остались дети. Наиболее полно в современной белорусской историографии положение детей на оккупированных белорусских землях раскрыто в работах В. Я. Бездель. Согласно

приведенным исследовательницей данным, из Беларуси было эвакуировано в тыл всего около 15% детей в возрасте до 16 лет²⁴.

В условиях военного времени в советский тыл не успели эвакуировать свыше 100 детских домов²⁵. Во время оккупации они стали местом настоящего геноцида подрастающего поколения. Фашистской администрацией была поставлена задача не оказывать никакой поддержки детским домам и другим подобным учреждениям. Типичными явлениями там были голод, холод, антисанитария, что приводило к различным болезням и высокой смертности среди детей. Повседневной практикой стали походы детдомовцев на поиск продуктов, попрошайничество. По воспоминаниям М. Кузнецова, бывшего детдомовца, утоление голода становилось главным смыслом существования²⁶. В пищу употреблялись сырой картофель и картофельные очистки, испорченные продукты, недозревшие злаки с полей. В то же время детские учреждения должны были решить ряд проблем, вставших перед гитлеровцами в результате крушения плана «Барбаросса» и затянувшихся военных действий. Во-первых, они рассматривались как источник дешевой рабочей силы, а также в качестве базы доноров для немецких солдат. На территории Беларуси было создано пять детских донорских концлагерей, в том числе в деревне Скобровка Пуховичского района, Красный Берег Жлобинского района и др. Для донорства отбирали детей от 8 до 14 лет славянской национальности только с первой группой крови и положительным резус-фактором. Для того чтобы при заборе кровь не сворачивалась, делали специальный укол. Был апробирован чрезвычайно жестокий метод: детей подвешивали за подмышки, сдавливали грудь, кожу на ступнях срезали, на них делали глубокие надрезы, и вся кровь стекала в герметичные ванночки. После полного забора крови тела уничтожались. Во-вторых, не менее важным для оккупантов было подорвать биологический потенциал белорусского народа и источник пополнения партизанских отрядов. С этой целью осуществлялась политика онемечивания подрастающего поколения. Еще в сентябре 1942 г. рейхсфюрер СС Гиммлер объявил программу ассимиляции славянских детей: «Я полагаю, что нашим долгом будет взять себе их детей для того, чтобы убрать их из нежелательного окружения и, если будет необходимо, даже просто выкрадывать или отнимать детей насильно. Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь... Мы будем воспитывать их детей так, как мы хотим сами»²⁷.

Существовали специальные детские дома и лагеря, в которые собирали детей для отправки в Германию. Они действовали в Бресте, в Жлобинском, Дятловском и Красносельском районах, в деревне Лучицы Петриковского района, в деревне Погост Загородский Пинского района и др. Только из учебного хозяйства «Красный Берег» Жлобинского района было вывезено 1990 детей. Всего было уничтожено 166 885 детей. Сиротами остались более 138 тыс. человек, почти 33 тыс. юных жителей республики вывезли в Германию²⁸.

Для обеспечения установленного оккупантами порядка все жители должны были зарегистрироваться в полиции и не покидать места постоянного проживания без специального на то разрешения, строго соблюдать все указы и постановления немецкой стороны. Любое нарушение жестоко каралось. Об этом свидетельствуют факты, поданные авторами сборника «Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы» в разделе 6.1 «Принудительный труд, угон населения в Германию». Так, 24 ноября 1941 г. городской комиссар издал распоряжение, которым запрещалось добровольно покидать место работы. Невыполнение рассматривалось как саботаж, а «те, кто не будет выполнять данное распоряжение, могут быть по представлению отдела труда наказаны комиссаром города — штрафом в неограниченном размере; направлением в лагерь принудительных работ; в более тяжелых случаях даже тюрьмой или каторжной тюрьмой»²⁹. 13 декабря 1941 г. был издан приказ Брестского окружного комиссара, подтвержденный 28 июня 1942 г., о трудовой повинности, согласно которому проводилась общая регистрация лиц мужского и женского пола в возрасте от 14 до 65 лет. За уклонение от регистрации предусматривались денежный штраф или тюремное заключение, в зависимости от причины неявки на регистрацию³⁰. Оккупационные власти использовали и более жесткие меры наказания, чем штраф или тюремное заключение. Так, согласно приказу коменданта крепости генерал-лейтенанта Шеллера от 6 апреля 1944 г., «лица, уклоняющиеся от регистрации и не являющиеся вовремя на указанное место работы, самовольно отлучающиеся с работы или саботирующие работу, будут направлены в лагерь принудительных работ, а при тяжелых нарушениях будет применяться **Смертная Казнь** (выделено в документе. — В. З.). Семьи тех, кто уклоняется от работы, будут эвакуированы из Бреста, если они своим участием в саботаже не заслужили более тяжелую кару»³¹. Как видим, наказание распространялось не только на нарушителя приказа, но и на членов его семьи.

Однако эти ограничения не описывали всех запретов, которые налагались на местных жителей. К примеру, расстрелять могли любого, кто осмелился подойти к колодцу, из которого пили воду немцы. Был отдан приказ расстреливать переодетых солдат, которых якобы можно узнать по специфической короткой стрижке. Без предупреждения стреляли в любого, кто шел к передовой линии, за подозрение в шпионаже или партизанстве — расстрел.

В медицинской сфере главным являлся принцип полезности того или иного работника для Германии. Поэтому все усилия медиков были направлены на то, чтобы как можно быстрее восстановить работоспособность человека. К тому же медицинские услуги были очень дорогими. Стоимость осмотра врачом больного составлял 8 р., вызов врача на дом к больному — 15 р. с доставкой за счет клиента, лечение в больнице обходилось 10 р. в сутки, причем больному необходимо было иметь продукты питания и белье, услуги роддома — 1 тыс. р. плюс свое питание и белье, в то время как максимальная месячная зарплата

высококвалифицированного рабочего в Минске не превышала 600 р., работников образования в зависимости от стажа, квалификации, количества учеников в классе — 240–400 р. (данные БШПД на октябрь 1943 г.)³².

Как свидетельствуют материалы кандидатской диссертации И. Э. Еленской, мероприятия оккупационных властей были направлены на охрану здоровья населения только в пределах, необходимых для поддержания стабильной медико-эпидемиологической обстановки и защиты от последствий, связанных с развитием массовых заболеваний. Это предусматривало санитарный контроль, организацию санитарно-защитных мероприятий, оказание минимальной медицинской помощи жителям Беларуси³³.

Снятие грифа секретности с оккупационных фондов обусловило появление научных работ, в которых рассматриваются вопросы организации школьного образования на оккупированной территории Беларуси. Проведенный М. Г. Жилинским анализ образовательных процессов, происходивших в годы Великой Отечественной войны на территории всей Беларуси, стал еще одним доказательством того, что учебно-воспитательный процесс, организованный гражданскими оккупационными властями, имел отличительную национально-пропагандистскую окраску, нацистскую сущность и был направлен главным образом на подготовку необходимых оккупантам военно-экономических кадров³⁴.

Необходимо отметить, что в разных административных округах образовательный процесс имел свои особенности. Так, отличительной чертой школьной политики оккупационных властей на территории Брестского и Пинского округов, входивших в состав рейхскомиссариата «Украина», была украинизация школы. Первым шагом в переводе школ на украинский язык было введение его как предмета в школьные программы, сокращение и даже запрет преподавания на русском языке. Однако этот запрет был скорее формальным, чем фактическим. Так, по еженедельному плану уроков на 1942/1943 учебный год в школе было 10 часов, причем украинскому языку отводилось 16 часов в 1-м и 4-м классах, а русскому языку 24 часа³⁵. Такое положение объяснялось нехваткой квалифицированных учителей.

Среди основных направлений школьной политики было обеспечение профессиональной подготовки учителей, а также ремесленников, что было вызвано острой нехваткой квалифицированной рабочей силы. Однако, несмотря на все усилия властей, задача украинизации брестских школ так и не была решена в полном объеме. Например, по состоянию на октябрь 1942 г. в Бресте было 13 начальных школ: 3 украинских (394 учащихся), 3 русских (681 ученик), 6 польских (1716 учеников) и 1 белорусская (57 учеников). В городе была 1 средняя школа с украинским языком обучения (300 учащихся), Украинское 3-летнее техническое государственное училище (290 учащихся), Украинское ремесленное училище для мальчиков (60 учащихся), Украинское женское ремесленное училище (60 учащихся), Польская частная 3-летняя ремесленная школа (303 учащихся), частные польские механические курсы (120 учащихся)

и польская частная музыкально-драматическая школа (95 учащихся). Всего в брестских школах было 107 классов, 4076 учащихся и 171 учитель³⁶.

Представленный исследователями материал свидетельствует о том, что главной задачей германских и вспомогательных оккупационных органов власти являлись потребности военной экономики Германии и обеспечения безопасности в тылу вермахта. «Публичная риторика германских чиновников... — подчеркивают авторы 5-томной “Истории белорусской государственности”, — находилась в прямом противоречии с захватнической идеологией, крайним шовинизмом и агрессивно-террористическим характером германского нацизма»³⁷. Подтверждением тому служат факты, содержащиеся в сборниках документов и материалов, подготовленных белорусскими архивистами³⁸.

Вывод о том, что оккупационный режим на территории республики имел более жесткий характер по сравнению с другими регионами СССР, поддерживает и Б. Кьяры, который одним из первых германских историков начал изучать историю Беларуси периода немецкой оккупации в 1941–1944 гг. «В Беларуси с самого начала немецкой оккупации, — отмечает исследователь, — доминантой стали уничтожение людей, голод, террористическая в своей сущности немецкая структурная политика... Страна была ужасным примером того, как плотно переплетались военное хозяйство, сельскохозяйственное производство и возможности обеспечения питания с целью немецкого военного похода, расистской войной на уничтожение»³⁹.

Особой страницей в истории повседневной жизни населения на оккупированной территории Беларуси являются взаимоотношения жителей и партизан. Как подчеркивает Е. Я. Павлова в статье «Многогранье всенародной борьбы. Отношения партизан с местным населением», «созданные гитлеровцами условия оставляли местному населению оккупированных территорий немного вариантов: сотрудничать с захватчиками, ехать остарбайтерами в Германию или идти в лес к партизанам. В отношении граждан, которые выжидали, позиция нацистов была жесткой: либо сотрудничество с оккупационными властями, или уничтожение их как сторонников советского строя. Национальным кругам и местной интеллигенции нацисты тоже не особо доверяли»⁴⁰. Отмечая, что отношения партизан с населением во многом определялись личным составом отрядов и бригад, которые исследовательница поделила на местных народных мстителей (повстанцев), диверсантов и разведчиков (профессионалов), Е. Павлова приходит к аргументированному, сделанному на основании архивных материалов выводу: «...документы содержат примеры как их тесного сотрудничества, так и противостояния. Война заострила проблемы и конфликты, которые существовали на протяжении предыдущих десятилетий и даже столетий. Успехи народных мстителей напрямую зависели от поддержки мирного населения. Большая часть конфликтов имела локальное неполитическое происхождение. Поэтому, чем больше партизаны учитывали законные потребности и интересы местных жителей, тем значительнее была их поддержка»⁴¹.

Заключение

Проведенный историографический анализ свидетельствует, что тема повседневности в условиях оккупации на территории Беларуси попадала в поле зрения белорусских исследователей. Освещение проблемы в советский и белорусский периоды имеет свои особенности. Советские историки рассматривали жизнь разных категорий населения как ежедневное сражение с врагом.

С распадом Советского Союза и обретением республикой независимости историки получили возможность пересмотреть многие моменты в исследованиях оккупационного режима, в том числе и проблему повседневной жизни сельского и городского населения в период военного лихолетья. Предметом научного исследования в белорусской историографии стала политика принудительного труда, которая осуществлялась германскими оккупационными властями на территории Беларуси. Обратили внимание историки и на проблему взаимоотношений жителей и партизан. Предметом научного обсуждения стала тема использования труда женщин — основной рабочей силы на оккупированной территории. Содержащийся в работах белорусских исследователей материал позволяет утверждать, что политика оккупационных властей характеризовалась антигуманным подходом к использованию человеческого ресурса на захваченной территории. Вследствие этого рабочие и крестьяне исследуемой территории оказались вынуждены существовать в крайне тяжелых условиях, постоянно зависеть от произвола властей. Повседневная жизнь человека в условиях оккупации во многом приобрела характер выживания.

Вместе с тем исследователям не удалось создать всестороннюю и целостную исторически верную картину сложных процессов повседневности, которые происходили в Беларуси в рассматриваемый период. Необходима дальнейшая работа по изучению событий Великой Отечественной войны через призму социальной истории, гуманитарного и гражданского измерения войны. Задачей историков является проведение фундаментального комплексного исследования, содержащего материал и сравнительный анализ повседневной жизни различных категорий населения оккупированной Беларуси, их взаимоотношений с германскими административными органами и учреждениями в различных зонах оккупации.

¹ Курьянович А. В. История повседневности: особенности подхода, цели и методы // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества (Материалы международной интернет-конференции, проходившей 20.03–14.05.2001 г. на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru) / Под общ. ред. В. В. Керов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 35–44.

² Гребень Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.). Минск: БГАТУ, 2016. С. 5, 6.

- ³ *Залескі А. І.* Быт беларускіх сялян у партызанскім краі. Мінск: Беларусь, 1960; *Залескі А. І.* 1) В партызанских краях и зонах патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941–1944 гг.). М.: Соцэкгиз, 1962; 2) Героический подвиг миллионов в тылу врага (помощь населения партизанских зон народным мстителям). Минск: Беларусь, 1970; 3) Советский патриотизм крестьянства в условиях немецко-фашистской оккупации Белоруссии (1941–1944 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1963.
- ⁴ *Залескі А. І.* Героический подвиг миллионов в тылу врага (помощь населения партизанских зон народным мстителям). С. 160, 161.
- ⁵ Разняволена памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.). С. 134.
- ⁶ Белорусские оstarбайтеры. Репатриация (1945–1951): док. и материалы. Минск: НАРБ, 1998. Кн. 3: В 2 ч.; Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): док. и материалы: В 2 кн. Минск: НАРБ, 1996. Кн. 1 (1941–1942); Минск: НАРБ, 1997. Кн. 2 (1943–1944).
- ⁷ Разняволена памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.): Зб. навук. арт.; пад рэд. А. М. Літвіна. Мінск: Медысонт, 2010. С. 12.
- ⁸ *Літвін А. М., Грэбень Я. А., Новікаў С. Я.* Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі (1941–1945 гг.). Мінск: Тэсей, 2010. С. 51, 52.
- ⁹ Беларусь в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. Минск: БелТА, 2005. С. 325.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 131.
- ¹² *Грэбень Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.). Минск: БГАТУ, 2016. С. 222, 491, 492, 493.
- ¹³ *Літвін А. М., Грэбень Я. А., Новікаў С. Я.* Вяртанне ў рабства. С. 174.
- ¹⁴ Гісторыя Беларусі: У 6 т. Мінск: Экаперспектыва, 2006. Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. С. 522, 523.
- ¹⁵ *Шыбека Э.* Нарыс гісторыі Беларусі. Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. С. 314, 315.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 318.
- ¹⁸ *Белозорович В. А.* Аграрные преобразования в западных областях Беларуси в 1939–1952 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999.
- ¹⁹ Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы. Брест: Альтернатива, 2016. С. 133.
- ²⁰ Там же. С. 129.
- ²¹ *Козак К. И.* Женщины Германии и Беларуси в войне: социализация образа и его восприятие // Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 4 сак. 2005 г. Мінск, 2006. С. 34.
- ²² Там же. С. 51.
- ²³ Там же. С. 55.
- ²⁴ *Бездзель В. Я.* Становішча дзяцей і іх удзел у народнай барацьбе супраць акупантаў на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2011. С. 1.
- ²⁵ *Паўлаў У. П.* Дзеці ліхалецця: Дак. нарысы. Мінск: Паліграфкамбінат імя Я. Коласа, 2005. С. 6.
- ²⁶ *Кузнецов М. Т.* Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2004. С. 87.
- ²⁷ *Коришук В. К., Романовский И. Ф.* Их детство украла война // Беларуская думка. 2018. № 1. С. 60.
- ²⁸ *Жыліньскі М. Г.* Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 — ліпень 1944 г.). Мінск: БДПУ, 2006. С. 59, 107, 108.

- ²⁹ Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы. Брест: Альтернатива, 2016. С. 214.
- ³⁰ Там же. С. 218.
- ³¹ Там же. С. 221.
- ³² *Літвін А. М., Грэбень Я. А., Новікаў С. Я.* Вяртанне ў рабства. С. 174, 181.
- ³³ *Еленская И. Э.* Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999.
- ³⁴ *Жылітскі М. Г.* Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 — ліпень 1944 г.). Мінск: БДПУ, 2006.
- ³⁵ Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы. Брест: Альтернатива, 2016. С. 175.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ История белорусской государственности: В 5 т. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). Минск: Беларуская навука, 2019. С. 223.
- ³⁸ Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область: Сборник архивных документов и материалов. Минск: НАРБ; М.: Историческая память, 2020; Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область: Сборник архивных документов и материалов. Минск: НАРБ; М.: Историческая память, 2021; Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилевская область: Сборник архивных документов и материалов. Минск: НАРБ; М.: Историческая память, 2021; Хатынь. Трагедия и память: док. и материалы. Минск: НАРБ, 2009; Трагедия белорусских деревень 1941–1944: Док. и материалы. Минск — М.: Историческая память, 2011; «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май — июнь 1943 г.: документы и материалы. Минск: НАРБ, 2018.
- ³⁹ *К'яры Б.* Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.). Мінск: Беларус. гіст. агляд, 2008. С. 14.
- ⁴⁰ *Павлова Е.* Многогранье всенародной борьбы. Отношения партизан с местным населением // Беларуская думка. 2014. № 2. С. 84.
- ⁴¹ Там же. С. 91.

REFERENCES

- Belarus during the Great Patriotic War: 1941–1945.* Minsk: BelTA, 2005.
- Belarusian ostarbeiters. Repatriation (1945–1951): doc. and materials.* Minsk: NARB, 1998. Book 3: in 2 parts. Part 1; Part. 2.
- Belarusian ostarbeiters. The deportation of the population of Belarus for forced labor in Germany (1941–1944): Doc. and materials:* in 2 books. Minsk: NARB, 1996. Book 1 (1941–1942); Minsk: NARB, 1997. Book. 2 (1943–1944).
- BELOZOROVICH V. A. Agrarian reforms in the western regions of Belarus in 1939–1952: Thes. dis. ... cand. of hist. Minsk, 1999.
- BEZDZEL V. Ya. *The condition of children and their participation in the people's struggle against the occupiers in Belarus during the Great Patriotic War:* Thes. dis. ... cand. of hist. Minsk, 2011.
- Brest in 1941–1944. An occupation. Documents and materials.* Brest: Alternative, 2016.
- “Cottbus”. Nazi punitive operation in Belarus, May — June 1943: documents and materials.* Minsk: NARB, 2018.

Freed memory. Forced labor of Belarusian citizens in the occupied territory of Belarus (1941–1944): Coll. of scient. art.; ed. A. M. Litvina. Minsk: Madison, 2010.

GREBEN E. A. *The civilian population of Belarus under the German occupation (1941–1944)*. Minsk: BSATU, 2016.

History of Belarus: in 6 vols. Minsk: Ekaperspektyva, 2006. Vol. 5: Belarus in 1917–1945.

History of Belarusian statehood: In 5 vols. Vol. 4: Belarusian statehood on the eve and during the Great Patriotic War and post-war reconstruction (1939–1953). Minsk: Belarusskaya Navuka, 2019.

Khatyn. Tragedy and memory: Doc. and materials. Minsk: NARB, 2009.

KORSHUK V. K., ROMANOVSKY I. F. *Their childhood was stolen by the war // Belarusian Dumka.* 2018. No. 1. P. 56–62.

KOZAK K. I. *Women of Germany and Belarus in the war: the socialization of the image and its perception // Women in World War II: A History of Struggle and Survival: Materials of the International scientific-practical conf., Minsk, 4 March 2005.* Minsk, 2006. P. 7–56.

KURYANOVICH A. V. *History of everyday life: features of the approach, goals and methods // History in the 21st century: a historical and anthropological approach in teaching and studying the history of mankind (Materials of the international Internet conference held on March 20–14, 2001 on the information and educational portal www.auditorium.ru) / Under the general ed. V. V. Kerova.* Moscow: Mosc. Social scientific fund, 2001. P. 35–44.

KUZNETSOV M. T. *This is also our history. National Socialism through the Eyes of a Young Prisoner. Confession about the experience.* Mogilev: MSU named after A. A. Kuleshova, 2004.

K'YARY B. *Everyday life along the front line: occupation, collaboration and resistance in Belarus (1941–1944)*. Minsk: Belarus. Hist. Review, 2008.

LITVIN A. M., GREBEN' Ya. A., NOVIKAV S. Ya. *Return to slavery: forced labor of the population of Belarus (1941–1945)*. Minsk: Tesey, 2010.

No statute of limitations. Belarus: the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the BSSR during the Great Patriotic War. Vitebsk region. Collection of archival documents and materials. Minsk: NARB; M.: Historical Memory Foundation, 2020.

No statute of limitations. Belarus: the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the BSSR during the Great Patriotic War. Gomel region. Collection of archival documents and materials. Minsk: NARB; M.: Historical Memory Foundation, 2021.

PAVLOV U. P. *Children of adversity: doc. essays.* Minsk: Ya. Kolas Polygraphy Factory, 2005.

PAVLOVA E. *The many-sided struggle of the people. Relations between partisans and the local population // Belarusian Dumka.* 2014. No. 2. P. 82–91.

SHYBEKA Z. *Essay on the history of Belarus.* Minsk: Entsylapedyks, 2003.

The tragedy of Belarusian villages 1941–1944: doc. and materials. Minsk – Moscow: Historical Memory Foundation, 2011.

YELENSKAYA I. E. *Documents of the Nazi occupation authorities and institutions as a historical source (based on the materials of the State Archive of the Brest Region):* Thes. dis. ... cand. of hist. Minsk, 1999.

ZALESSKY A. I. *Life of Belarusian peasants in the partisan region.* Minsk: Belarus, 1960.

ZALESSKY A. I. *In partisan territories and zones: the patriotic feat of the Soviet peasantry behind enemy lines (1941–1944).* Moscow: Sotsekgiz, 1962.

ZALESSKY A. I. *The heroic feat of millions behind enemy lines (assistance of the population of partisan zones to the people's avengers).* Minsk: Belarus, 1970.

ZALESSKY A. I. *Soviet patriotism of the peasantry under the conditions of the Nazi occupation of Belarus (1941–1944):* Thes. dis. ... Dr. of History Sciences. Minsk, 1963.

ZALESSKY A. I. *The heroic feat of millions behind enemy lines (assistance of the population of partisan zones to the people's avengers).* Minsk: Belarus, 1970.

ZHYLINSKY M. G. *Education in the occupied territory of Belarus during the Great Patriotic War (June 1941 – July 1944).* Minsk: BSPU, 2006.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. В. Зданович. История повседневности на оккупированной нацистами территории Беларуси в работах белорусских историков // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 64–79

Аннотация: В статье анализируются работы белорусских историков, посвященные истории жизни городских и сельских жителей Беларуси в годы нацистской оккупации в 1941–1944 гг. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в советский период, согласно партийным установкам, жизнь разных категорий населения на оккупированной территории рассматривалась в советской исторической литературе как ежедневное сражение с врагом. Характерной особенностью белорусского периода стало освоение новых направлений в исследовании проблемы, детальное освещение разнообразных аспектов оккупационного режима, рассмотрение которых в советской историографии отличалось лаконичностью. Среди малоисследованных сюжетов автор выделяет историю жизни городских и сельских жителей Беларуси в годы нацистской оккупации. Предметом научного исследования в белорусской историографии стала политика принудительного труда, которая осуществлялась германскими оккупационными властями на территории Беларуси, формы и методы принуждения, материальное и правовое положение населения. Предметом научного обсуждения стала тема использования труда женщин — основной рабочей силы на оккупированной территории. Обратили внимание историки и на проблему взаимоотношений жителей и партизан.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историография, периодизация, оккупация, повседневность, принудительный труд, взаимоотношения жителей и партизан.

FOR CITATION

V. V. Zdanovich. The history of everyday life in the Nazi-occupied territory of Belarus in the works of Belarusian historians // Petersburg historical journal, 2022, no. 3, pp. 64–79

Annotation: The article analyzes the works of Belarusian historians devoted to the life history of urban and rural residents of Belarus during the Nazi occupation in 1941–1944. The analysis carried out shows that in the Soviet period, according to the party guidelines, the life of different categories of the population in the occupied territory was considered in Soviet historical literature as a daily battle with the enemy. A characteristic feature of the Belarusian period was the development of new directions in the study of the problem, detailed coverage of various aspects of the occupation regime, the consideration of which in Soviet historiography was determined by brevity. Among the little-studied plots, the author singles out the life story of urban and rural residents of Belarus during the Nazi occupation. The subject of scientific research in Belarusian historiography was the policy of forced labor, which was carried out by the German occupation authorities on the territory of Belarus, the forms and methods of coercion, the financial and legal status of the population. The subject of scientific discussion was the topic of the use of women's labor — the main labor force in the occupied territory. Historians also paid attention to the problem of the relationship between residents and partisans.

Key words: Great Patriotic War, historiography, periodization, occupation, everyday life, forced labor, relations between residents and partisans.

Зданович, Владимир Васильевич — профессор, д. и. н., Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина.

Author: **Zdanovich, Vladimir Vasilievich** — Professor, Doctor of Historical Sciences, Brest State University named after A. S. Pushkin.

E-mail: zvv2003@tut.by